

Андрей Иванов

ТЕАТР УЖАСОВ

Андрей Вячеславович Иванов

Театр ужасов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64096126

Театр ужасов: Новое литературное обозрение; Москва; 2021

ISBN 978-5-444814-64-2

Аннотация

«Это роман об иллюзиях, идеалах, отчаянии, это рыцарский роман, но в сервантесовском понимании рыцарства», – так определяет свою книгу автор, чья проза по-новому открывает для нас мир русской эмиграции. В его новом романе показана повседневная жизнь русскоязычных эстонцев, оказавшихся в сновидческом пространстве между двумя странами и временами: героическим контркультурным прошлым и труднодостижимым настоящим. Бесконечная вереница опасных приключений и событий, в которые автор вовлекает своих героев, превращает роман в широкую художественную панораму, иногда напоминающую брейгелевские полотна. Андрей Иванов – русский писатель, живущий в Эстонии, лауреат премии «НОС» (2013) и Русской премии (2011).

Содержание

I.	4
II.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Иванов

Театр ужасов

I.

Нептун

Стояли последние ясные деньки бабьего лета, и я старался чаще выбираться из моего подземелья. Жмурясь, сидел на скамейке, улыбался...

Подолгу сидеть не получалось, меня то и дело отвлекали посыльные от Кустаря, взмыленные и непоседливые. Вздыхнув, я поднимался и, бренча ключами, спускался по длинной лестнице в Инструментальную, выдавал инструменты:

– Крестик в графу «Художественная мастерская». – Они робко ставили крестик. – Имя в графу «Ответственный». – Они колебались: чье имя?.. мое?.. Ах, нелепые!.. Я помогал наводящими вопросами: – Ну, кто у нас ответственный?.. Кустарь, наверное?.. – Они гулко выдыхали «да», писали его имя. – И свою подпись – здесь, вот так. Вернуть не забудьте до конца недели, а то пеню включу, – шутил я, некоторые понимали мой юмор, но чаще не реагировали. – У меня все как в библиотеке, – говорил я и, покачив головой, спрашивал: – Ну, что там Кустарь опять мастерит?

Никто ничего толком сказать не мог, повторяли одно: взрыв мозга, реальный взрыв мозга.

Вскоре они совсем перестали говорить, без слов давали мне список необходимых инструментов, я требовал возврата уже выданных, они смотрели стеклянными глазами, как бывает с людьми под каким-нибудь воздействием, после контузии, долгой бомбежки – «взгляд на тысячу миль» – или в сильном ошеломлении, – я склонялся в пользу ошеломления.

Наконец, не выдержал, решил сам посмотреть (под предлогом вернуть инструменты и сделать всем выговор), выбрал день посветлей и отправился в парк аттракционов.

Возле гостиницы была суета; визг дрели, работа шлифовального станка и удары молотков. К заляпанным пальцами стеклянным дверям парадного входа приставили позолоченные столбики с бордовыми кистями (кое-где торчат ошметки коричневой оберточной бумаги, в которой они прибыли). Над козырьком появились первые три буквы названия – *Т А L...*

Переваливаясь и покачиваясь, потихоньку вползала наверх светодиодными трубками прошитая, блестящей краской раскрашенная, новенькая буква *L*. Два неуклюжих мужичка в синих комбинезонах подталкивали ее снизу, несмело поднимаясь по лесенкам. Наверху третий, приговаривая «Осторожней... Осторожней...», тянул на себя. Вот буква качнулась сильнее – веревка вздрогнула...

– Осторожней, дебилы! – сипло рывкнула Хозяйка из окна своего офиса. – Куда? Держать! – надрывалась безумная кукушка. – Не роняй! Смотри у меня! Каждая буква сто двадцать пять евро стоит! Уроните – взыщу с каждого!

Спрятав улыбку в носовой платок, я ухожу, пока меня не заметили.

К бару *Holy Gorby* подвел туристов Валентин по прозвищу Косой. В форме советского офицера с плащ-палаткой на плечах, с длинным нескладным зонтиком, он вышагивал с очень важным видом, как если бы не принадлежал поселку и не получал деньги там же, где и все.

– *Meine Damen und Herren, dorth sollen wir gehen! Tufelsrad!*¹ – Валентин зонтиком указал в направлении Чертова колеса, которое блестело в лучах яркого солнца (мимо плыли фигурные облака). Кто-то из гостей сказал, что в их планы не входили аттракционы. – Мы не будем кататься, – заверил их Косой. – К тому же оно нерабочее. Но идти нам туда! Там – самое главное.

Косой прав, там – самое главное, туда я и иду. Сейчас постою, посмотрю на туристов – редко к нам приезжают такие пригожие – и пойду.

– Дамы и господа, – продолжал Валентин бодрым голосом, – сейчас мы зайдем в обменник, где вы сможете приобрести советские рубли, которые здесь в обиходе. Сюрприз! В баре *Holy Gorby* вы можете пообедать настоящей совет-

¹ Мои дамы и господа, наш путь лежит туда! Чертово колесо! (*нем.*)

ской едой, выпить советского кофе или пива «Жигулевское», «Ячменный колос»... и расплатиться советской валютой... Вы сможете приобрести сувениры...

Веселые туристы, не дослушав его рекламной реплики, побежали приобретать советские рублики. Все еще механически выбалтывая заученные фразы, Валентин поправлял гимнастерку, как настоящий военный, и наконец, заметив меня, умолк. Пожилой чистенький немец в резиновых зеленых сапогах и легком оранжевом дождевике сделал пару вспышек на восковую статую генсека и с вкрадчивым шелестом вошел в бар.

– Опять *I like Chopin* крутят, – сказал Косой, угощая меня сигаретой. – Не знаешь, что Кустарь химичит?

Я сказал, что не знаю, иду смотреть; закурили.

– Если покажет, – сказал он скептически.

– Ну, не покажет, так не покажет. Когда-нибудь все равно увидим.

– Все инструменты у меня перетаскали. Те, что у тебя не нашлись, у меня отыскиали. И чего он придумал? Краски, целлофан, провода... желатин... Зачем ему желатин?

– Не знаю, не знаю... – сказал я, подавляя зуд любопытства. – Гадать не берусь.

– Какая-нибудь очередная каверза...

Совершенно непонятно, что он хотел назвать «каверзой». Кустарь по-доброму изобретателен, никогда никому подлости не делал.

Валентин припомнил фейерверк, которого я не видел, – он случился до того, как я начал сюда ездить. Во двор Валентина залетела шутиха, разорвалась посреди хлама, который он насобирав и выставил на продажу. Сгорела куча тряпья, подумаешь! В стельку пьяный Косой валялся в своем подвале, надрался самогона и спал, но винит в «поджоге имущества» Кустаря...

– Я чуть не угорел тогда, – злопыхает он и щурится, и это прищур стариковский, зубы у него желтые, редкие, он сильно усох за последние годы, хоть здешняя жизнь – беззаконие да беспорядок – ему только на пользу, он, можно сказать, расцвел тут, почувствовал себя хозяином, на нем многое держится, хмыри его уважают, однако время берет свое, Косой окукливается потихоньку.

Хотел с упреком сказать, что инструменты возвращать надо, но Косому такие вещи говорить не имело смысла: он патологически ничего не возвращал. Ну, скажу я ему... что толку? Он обидится, недели две волком смотреть будет. В нашей шараге такие люди подобрались – их уже ничто не переделает. Им всем, кроме меня, за пятьдесят. Разборы ни к чему, кроме ссор, не приведут, а ссориться у нас умеют...

– Ну, давай, – киваю, ухожу. С ним можно посидеть, выпить; он, бывает, загнет, я слушал и готов слушать его истории, но, в принципе, с ним все кончено.

А вот Кустарь – это совсем другой характер, еще неразгаданный, другая натура, другая судьба, которую он еще не

развернул перед нами, потому как больше молчит, больше вздыхает или говорит о своих изобретениях, о сопротивлении материала, много рисует, занимается сигнализацией и камерами видеонаблюдения, чинит все, что ломается, дает бытовые советы, умеет и знает, кажется, все и любит всех поразить.

Вынашивая какой-нибудь план, он надолго запирается в мастерской. Все спрашивают: где Кустарь?.. не видели Кустаря?.. Узбеки за картами и нардами заскучали без него. Тобар, наливая пиво, скажет: куда-то пропал наш мастер... Давненько его не видали, откликнется Губа за столиком. Я отправлялся на поиски. Находил его в мастерской – с трубкой в зубах лежа на полу, весь в опилках и стружке, он вертел какую-нибудь мелочь, катал по полу гайку или запускал волчком часовое колесико, возил пальцем в опилках, рисовал на клочках бумаги завитушки, линии, контуры; когда его не было в мастерской, я уходил не сразу, замороженный покоем инструментов, я пытался уловить момент, когда их оставили, гадал, почему бросили или положили таким образом. Проверял ведерки – была ли в них краска, остается еще или давно засохла; не забыл ли он кисти или сигарету; что появилось нового, не загибается ли на глаголи скелет новой статуи. Однажды меня поразило красивое чернильное пятно на свежей доске, я не удержался, понюхал и даже зажмурился от удовольствия. Если в мастерской его не было, я шел в сад, там, в глубине, за кустами смородины, у него было тихое

солнечное место на плитняке. Там он пил вино, задумчиво глядя вдаль; или покачивался в гамаке с кошкой на руках. Я приветствовал его. Поведя бровью, он лениво кивал в сторону столика. Во все сезоны, под дождем и снегом, на трех ногах под старой яблоней стоит облезлый деревянный столик. На нем бутыль с красным вином из черноплодки или смородины, пепельница, полная окурков, рюмки, кружки, кофейник, стаканы и так далее. «Налей себе сам, присоединяйся», – говорил Кустарь. Толку от его предложения никакого – потому что присоединиться к нему в такие дни невозможно: он будет гладить кошку, думать о чем-то своем, а ты будешь пить в одиночку. Я пил его вино, курил его трубку, что-нибудь спрашивал, он добросовестно отвечал, но по-прежнему отсутствовал, и я понимал: ага, новый замысел... Я думал: вот бы найти лазейку, заглянуть в него, узнать, что он задумал... Побыв в таком отсутствующем состоянии несколько дней, он начинал потихоньку двигаться, заводился, хмуро бродил по лесу и поселку, бурча себе под нос, ездил куда-нибудь, что-то искал, собирал материал, притаскивал в свою мастерскую. В такие дни он не участвовал в жизни коммуны, он на всех чихать хотел: он не станет надевать маску и идти в поле, даже если приехали клиенты и готовы платить хорошие деньги, а в роте не хватает людей; плевать на деньги, скажет он, ему плевать на ваши заморочки, он занят, Кустарь в поиске, он работает, у него дела поважней, говорил он и шел в Инструментальную, перебирал инструменты в стран-

ной задумчивости. Он мог накричать на меня, если я задавал ему под руку вопрос, даже если я хотел помочь... Помочь?! Кто – я? Ха, как я мог ему помочь! Я, бесполезный кусок фанеры, как мог помочь ему, мастеру?! Я не обижался. Кустарь был прав – как мы могли ему помочь? Мы же не знаем, что в его голове происходит. Мы можем только наблюдать и ждать. Кустарь хватал что-нибудь и со словами – «Вот это мне и нужно, точно!...» – уходил, щелкая зубами, словно кусачками. Некоторое время спустя мы слышали визг пилы или ворчанье дрели, удары молотка – сперва неуверенные, молоток будто подбирался к чему-то, ломал лед, сбивал с грубой материи куски, нащупывая нежную жилку замысла, в которую можно было бы вонзить сверло и буравить. День-другой стояло молчание всех инструментов, только играла музыка, и мы догадывались: настроение у Кустаря улучшилось – он близок к чему-то... После музыки слышались четкие, нацеленные, длинные серии ударов, напористое сверление, и я понимал: ага, он сколол с материи шлак, подобрался к форме...

Кустарь живет и творит в своей мастерской рядом с казематами, в которых квартирует отряд зомби Эрки Кенёсина.

От автобусной остановки до казематов больше километра – тут и странные улицы с советскими названиями, и заброшенные дома, кинотеатр с выцветшей афишей из советского времени («ХЛЕБ, ЗОЛОТО, НАГАН...»), где при желании вам могут включить старый фильм, показывать его бу-

дут, конечно, с диска, но качество будет таким, что вы поверите, будто над вашей головой в своем гнезде сидит кинемеханик и следит за работой кинопроектора, вам даже устроят обрыв пленки; и дым папиросы тоже будет идти из окошечка операторской. Задолго до поворота к аттракционам слышится режущая ухо индустриальная музыка, в которую вплетены вопли и вой из хорроров. Уже в леске видны первые колышки старого забора, на ветках покачивается рваная одежда, из окровавленных сапог торчат набитые тряпками штаны, точно это чьи-то ноги, костями и черепами таращатся знаки, страшат рукотворные надписи: «ОСТОРОЖНО!», «СМЕ...ЛЬНО ОПАСНО!». Плохо покрашенный забор прихвачен старой ржавой колючей проволокой. На кольях забора противопогазы и маски с приклеенными волосами (для правдоподобия), в таких же масках тут люди изображают мертвяков.

С тех пор как я ушел в Инструментальную, стало скучно, каждый час свободного времени я использовал на то, чтобы встретиться с Эрки. Он водил меня в лес, показал конопляную полянку, мы снимали ее на видео, сделали несколько прекрасных эпизодов для его фильма, который он никак не закончит (он еще на что-то надеется). Когда конопля подросла, мы ее немного пощипали, совсем чуть-чуть. Мы курили в заброшенном парнике посреди одичавших растений, подле свыкшегося с нашим климатом эвкалипта он поставил пластмассовый столик и пляжные стулья, мы сели и насла-

ждались видом: сквозь пробитые стекла перед нами раскрылась большая поляна с огромной лужей, в которой плавали утки.

Шуршали травы, падал тяжелый лист, сумерки проникали в парник, мы зажигали свечу, снова закуривали. В том парнике он рассказал очень много жутких историй, от которых хотелось елозить ногами. О барнаульском меломане-извращенце, который растлевал подростков, заманивая к себе на музыку и портвейн, о службе в железнодорожных войсках: пьяные деды, бессонные наряды на путевых машинах – деды оттягивались, он фигачил сутки напролет. Иркутские беспрдельщики, самоволка, гауптвахта, особенности и обычаи казарменной жизни, и прочее, и тому подобное. Чтобы разбавить это невольное путешествие по кошмарам его прошлого, я рассказал ему о моем веселеньком детстве в пестром районе Каламая, где любил отыскивать заброшенные дворы, я залезал в похожие парники, сидел, курил один, брал с собой мою «Электронику-324» и слушал кассеты тихонько, и никогда мне не доставалось по шапке, я умел быть скользким и незаметным, а если встречались ребята, то пристраивались со своими кассетами... Он жалел, что не знал такой жизни в детстве...

Мы молчали, свеча светила все ярче. Мы гасили ее. Я провожал его к мрачному зданию, похожему на военкомат. Это бывшая текстильная фабрика. По вечерам над ее парадным входом загорается большая вывеска: *HORROR THEATRE*.

Выглядывает огромное, обросшее выюном Чертово колесо. Сегодня светит солнце. Колесо не выглядит мрачным. Оно кажется небольшим, даже хрупким. Ветер качает большой клен, что стоит на отшибе, довольно далеко отсюда, но, когда смотришь против солнца, кажется, будто он прорастает сквозь колесо, образуя с ним исполинскую букву Ф. В стороне скрипят карусели, в люльках сидят дети сквоттеров. Пацан, имени которого не знает никто, все его зовут просто «пацан», выпрыгнул из люльки и подбежал ко мне стрелкнуть сигарету. Я дал; пацан улыбнулся.

– Ну, что улыбаешься?

– Я сейчас на колесо лазил...

– Какое колесо?..

– На Чертовое...

– Ты?

– Да.

– Врешь.

Лестница на Колесе обломана, забраться на него невозможно.

– Не веришь? – взорвался он. – Блин, жаль папеч у меня телефон отобрал, я б сделал селфи. Ну ничо, достану новый, селфач сделаю, влеплю тебе на стену в Фейсбуке!..

– Да ну, не надо, верю...

Он не слышал – разъяренная спина, гневные локти.

– Да ну тебя! – крикнул он и прыгнул на перекладину, ловко подтянувшись, перебросил ноги, влез в люльку, через

пару мгновений чиркнула зажигалка и появился дымок.

В мастерской было тихо. Я подергал калитку – заперто. Жалюзи на окнах. Возле входа молчали обоеполые чудовища, чем-то отдаленно напоминавшие статуи древних египетских богов; Кустарь их выдолбил из стволов поваленных бурей деревьев. На стенах свежие, из каучука отлитые маски, рельефные гипсовые маскароны. И найденные ржавые чеканки... Под навесом выюном захваченной террасы стоял манекен; и до него выюн добрался, он оплел его шею и протянутую руку, на ладони которой лежало механическое, на будильник похожее сердце. Зеленый ковер мягко стелился вокруг дома, на поросших мхом и травкой плитняковых плитах, как экспонаты, были выставлены куклы, вазы, кувшины, изрядно поношенный протез ноги, всевозможные предметы, детали и инструменты. Кустаря нигде не было. В просторном вольере горбатый сторож кормил собаку.

– Ну, здорово, как она?

– Ага, добрый день. Кустаря что, нету?

– Нет. Всей честной компанией ушли на стрельбище – новое изобретение будут испытывать. А вон, хлопки, слышь? Уже началось...

Я поторопился на стрельбище.

Первым заметил Шпалу. Он стоял на придорожном ледниковом валуне и целился из большого пневматического ружья. Я посмотрел в поле, но ничего не увидел, меня ослепило солнце.

– Ближе! – кричал он, беря кого-то на мушку. – Еще! – Он говорил по *hands free* (портативная рация пищала и щелкала на поясе). На нем был костюм хаки и кепи – ни дать ни взять охотник сафари! – Еще шагов пять... Так держать! Еще парочку шажков... Стой! Да стой, я попробую... Блин, ни черта не слышат... – Он снял с пояса рацию, встряхнул ее и повторил, чтоб остановились. Повесил рацию. Снял с плеча ружье и, недолго целясь, выстрелил, еще... и еще раз.

Я глянул в поле, прикрыв глаза от солнца. Теперь я увидел несколько силуэтов... Эркки – его было легко узнать по кругло выпирающему животу и зеленой каске – стоял в отдалении от мишени, снимая происходящее на камеру. Кустарь косолапо переваливался, вышагивая возле странной фигуры, которая и была мишенью. Но что это за чучело? Что за чертовщина там бродит?

Ко мне подошел Лутя, брат Шпалы.

– О, привет. Видал, испытываем новый прибамбас. Кустарь придумал.

– Я не понял, что это там такое?

– А это Коротышка.

– Что?

– Факт! Что, не узнать? Вот эта штука на нем и есть изобретение Кустаря.

– Чудовищно.

– Вещь! Погоди, сейчас самое интересное начинается...

Шпала опять выстрелил.

– Ну, что? – спросил он в рацию. Я отметил красивое ружье, с оптическим прицелом.

– Новое ружье?

– Ага, – с завистью ответил Лутя.

Шпала делал вид, будто сильно занят: хватал бинокль, вглядывался, ругался, манил на себя рукой, кричал в рацию, чтоб подходили смелей поближе, с важным видом поднимал пневматическое ружье и, многозначительно прищурившись, всматривался в прицел. Что-то там было не так.

– Да что он качается, как пьяный? Ровней иди! Скажите ему – пусть не петляет, а идет прямо на меня!

Шпала держал ружье на сгибе руки с небрежностью бывшего охотника. Он его даже не замечал. Снова включил рацию, спрыгнул с валуна, дуло почти коснулось земли.

– Алё, блин, Эррки!.. Да убери ты камеру свою, отвечай! Вы можете подвести Коротышку еще ближе? Что?.. Не понял... Еще пару шагов, Эррки... Чего нет? Что значит не хочет? Чего он менжит? Да скажи ему, чтоб не ссал! Задолбал... мудака... На него навьючили скафандр, он боится. Он ни фига не почувствует! Скажи, чтоб не ныл. Обычное ружье... Придурок...

И снова выстрелил, и еще два раза.

– Во! Во так! Хорошо! Эррки, алё, ставьте первый флажок. Есть. Медленно придвигайтесь... Что вы там? Что тормозите?

В поле произошла заминка. Фигура Коротышки – в ко-

стюме, изобретенном Кустарем, он выглядел великаном, на голову выше Эрки и Кустаря – покачнулась и грохнулась. Шпала выматерился. Эрки бросился к упавшему. Кустарь подавал сигналы, чтоб не стреляли: он поднимал руки и махал ими, скрещивая и разводя, немного подпрыгивая, как американский футболист на разминке.

– Что за цирк, мать вашу, – прорычал Шпала, ему не терпелось пострелять. Он поднимал ружье и смотрел сквозь прицел на Кустаря. – Поставьте придурка на ноги! Эрки, что там с ним? Отвечай! Какой обморок? Пусть встает!..

Эрки говорил, что Коротышка задыхается, срывает с себя шлем...

– Я не понял! Вы что? Мы только начали пристреливаться, – ругался Шпала, наконец он потерял терпение. – Корооче! Я ушел. Приведите его в норму и вызывайте меня, когда он железно – железно! – будет на ногах. С этой фишкой надо решать сегодня. Либо делаем, либо не делаем. Клиенты ждут, мать вашу, ясно? Надо рекламу запускать. Все, я пошел. Дел по горло.

– Слышь, давай я достреляю. – Лутя потянулся к ружью, но Шпала отвел от него ствол.

– Из своей пукалки стреляй.

Шпала пошел по дороге широким шагом: кривые ноги добермана, плечи гуляют, ружье, рация, важность... Лутик потрусил за ним.

Трава была сырой, высокой. Репей цеплялся за рукава, я

срывал травинки и жмурился. Брюки и даже рукава намокли от росы...

С Коротышки снимали маску... Он нетерпеливо сучил руками...

– Да не мешай ты, – сердился Кустарь.

Маска была странная – крупная, из грубой толстой кожи, со шнуровкой сзади, с дополнительным двойным лбом и медной пластиной на нем; красивые медные заклепки бежали вдоль шеи и нагрудника, на плечах эполеты в духе стимпанковской эстетики, – это уже была не просто маска, а настоящий кожаный шлем, который составлял с костюмом единое целое.

Когда шлем расшнуровали и отстегнули от Коротышки верхнюю часть, он охал и тяжело дышал, фырча, как лошадь, шея и грудь его взмокли. Теперь с него сдирали костюм, будто высвобождая из тела монстра...

– Осторожно, осторожно, – приговаривал Кустарь. Он ползал и расстегивал крепкие боковые заклепки. Эркки, придерживая за подмышки, тянул Коротышку, тот дрыгал ногами от нетерпения. – Не так резко, ты!.. Не испорти мне вещь! – Ноги застряли, запутавшись в проводках и шнуровке, Коротышка шипел, чуть не плача:

– Ну же, ну, не могу... снимите с меня это... сами лезьте в этот скафандр...

Я присел, чтобы разглядеть новый костюм получше. В теменной области шлема, хорошо впаянное в резину, сидело

съемное механическое устройство, проводами и трубочками оно соединялась с баллоном литра на три, который находился на спине вместе с раструбом. Под ним таился хитрый пружинный механизм. По плечам и спине бежали ряды мелких галогенных лампочек. Сама теменная часть пристегивалась заклепками к кожуху с мордой. Морда больше походила на рыло кабана. Наверное, таким должен быть Минотавр, подумал я и потрогал ее. Отверстия для глаз с двойным крепким стеклом и металлическими оправами, дыхательные пути надежно защищены прочным забралом, похожим на звериный оскал; нос вздернутый, как и на маске Кустаря (он всем сделал одинаковые резиновые дуры, а себе отлил особенную, с вздернутым раздвоенным носом, как у вурдалака в советском фильме «Вий»).

– Ну, – сказал я с восхищением, – наворотил!

Кустарь, немного разочарованный, увидев меня, оживился:

– Да клевая штука! Как в кино, знаешь, каскадерский реквизит. Не знаю, что на него нашло. Тут все в норме – безобидно... Короче, надеваешь, идешь, когда в тебя попадают, у тебя башка разлетается... Ну, все как в кино! Натурально. В смысле, не твоя башка, а вот эта насадка с желатином... Я и смесь сделал, точно как мозг! И еще для работы ночью, чтоб все видно было, подсветку приделал на спину, сам себя освещаешь, представь! Это нечто новое, да? Для съемки будет отпад. Не надо будет заботиться об освещении в потем-

ках, фигура будет идти в собственном свете! А?

– Да, это класс, – говорил я, – ну, ты даешь... вот это здорово...

– Да, я тоже считаю. Надо испытывать... а он чего-то не хочет...

– Да идите вы, – шипел Коротышка, спешно разоблачаясь, он был весь красный.

– И сколько за один такой трюк заплатят? Как думаешь?

– Как за три... Потому что... Съемка на видео эффектная, плюс ты не сможешь быстро переодеться и перезарядиться, как остальные... ну и требуется навык... это не очень просто...

– В нем дышать нечем, – сказал Коротышка, он был взмылен и возмущен. – За один трюк сто евро! Он стреляет хард-болом...

– Да ладно, – удивился я и посмотрел на Эркки, тот поморщился отрицательно, продолжая рассупонивать горе-испытателя.

– Это кожаный костюм, и на парусине, – говорил ему Кустарь. – Прочный, как кольчуга, никакие пули не страшны. Ты ничего не мог почувствовать.

– Да я те говорю, мне в плечо, вон смотри, синячок!

– Да это тебя пчела укусила!

– Йих! – вскричал раздраженный Коротышка. – Какая пчела! Не верит. Смотри, вон кровь свежая спекается. Это точно от пули.

– Да нет, это был страйк. Я знаю – у Шпалы апгрейда нет, да и нету у него хардбола, – заверил Эрки, и Коротышка успокоился, бригадиру он поверил, только промямлил, что все равно было больно, он, дескать, не врет, зачем сочинять, вот смотри – рана есть, пусть платит...

– Да, да, точно, – подтвердил я, – новое ружье, видали?.. Для страйка – красивое...

– Ага, я ему сам с Амазона заказывал, – сказал Эрки.

– А зачем страйк? – поинтересовался я. – Почему не маркер?

– А в том-то вся и штука, – запальчиво объяснял изобретатель, – вот сюда надо попасть. – Он показал на медную пластину на шлеме. – Трюк в том, чтобы попасть в цель, вот она – медная штука во лбу, сюда попал – сработает пружинка, маленькая мембрана, от нее механизм придет в действие и – мозг во все стороны! Ах, будет жесть! Не терпится увидеть.

Мы с Эрки переглянулись. Кустарь был не в себе от ожидания.

– А если в глаз?

– Стекло двойное... пластиковый шарик не возьмет...

– Да какой шарик... хардбол!

– Иди ты в баню!.. – наконец не выдержал и вспылил Кустарь. – Уймешься ты или нет?! Уже достал! Никакого хардбола у нас нет и не будет. Перечитай Устав! И потом, на фига пуля-то? Шарика хватит, чтоб привести пружину в дей-

ствие. Зачем, как ты думаешь, я три месяца думал-делал? А? Чтоб ты убился? Мне это надо – подвергать риску моих друзей? Мне надо, чтоб ты без глаз остался? Я что, идиот, по-твоему? Тупой или садист? Я все взвесил. Тут все четко продумано. Я пробовал из пистолета – работает с десяти шагов, а вот ружье... – Он перевел дух, задумался. – Ну, по моим расчетам, со ста метров можно работать, но вряд ли кто из клиентов способен, потому надо пробовать... Это любопытно, очень любопытно... Можно стрелять и стрелять... Ружье-то пристрелять нужно. По идее, чем больше дистанция, тем вкуснее. Ха-ха! Для энтертейнмента большой потенциал! Клиент может неслабо зависнуть... Только представь: ночь – идет этакий монстр в собственном освещении – идет и воет... Я тут и сирену придумал, вот она тут, потом включим... Представь, идет такая штука на тебя в поле, и ты по нему палишь, бах, бах... пять... десять выстрелов... Оно ближе, ближе. Чем ближе, тем ужасней! А? Это ж монстр! И он ближе... бах... а потом попал – бабах! Мозг во все стороны! Фонтан крови! Ой! Зрелище! Как думаешь, – обратился он к Эркки, – с пятидесяти шагов, наверное, палить можно?.. – Эркки пожал плечами, покачал головой, сказал, что посчитаем, успеется, учесть видимость, ночь, то да се. – Да, да... Ой, как интересно...

– Да, Кустарь, – согласился Эркки устало. Его заметно раздражала вся эта возня с костюмом, и крики Шпалы в рации, он хотел улизнуть и отоспаться после ночной беготни. – Чер-

товски интересно...

– Ты только вообрази, сколько клиентов на эту фишку посадить можно! Я б сам полез, но костюмчик на более субтильного человечка...

– На меня пойдет? – спросил я.

Кустарь прикинул, оглядел меня.

– Да... пойдет.

– Да уж, да уж, – продолжал возмущаться Коротышка, – полезай, полезай и сдохнешь. Как пить дать! Там и дышать в этой маске нечем. На голову штука давит. Затянули так, что весь взмок. Идти невозможно, ничего не видеть под ногами, да еще палят по тебе страйком... – Он встал, наконец-то свободный от шнурков и крючков, отфыркиваясь, как лошадь. – И вообще... – стряхивал он с себя пыль и мелкую стружку, плюнул и психанул, как маленький: – Вообще неизвестно, что еще будет, когда эта пачка на голове рванет! А вдруг башку снесет, а?

– Троим не снесло, а ему снесет... Во какой!..

Мне вспомнились глаза посыльных от Кустаря – их странный стеклянный взгляд.

– Давай я попробую.

Кустарь замер в восхищении, он смотрел на меня, как пес, снизу вверх, открыв рот, будто сомневаясь, что правильно понял, в глазах его был блеск испытателя.

– Хо-хочешь... попробовать? – спросил он, от волнения у него перехватило дыхание. Он перебирал шнурки и провод-

ки, проверяя их на ощупь – целы проводки или нет?.. пальцы думали о проводках, а глаза смотрели на меня: – Точно?..

– Да, да... – Да, черт возьми, я хотел!

– Соскучился по экшену. – Кустарь улыбнулся. – Засиделся ты в своей Инструментальной, – посмотрел на Эрки. – Он соскучился по выстрелам, бригадир! Он хочет в дело. Это же кайф!

– Кайф, да уж... Молодец, – ехидно говорил Коротышка, хмыкая, – давай, заживо изжаришься в этом бочонке. Инфаркт заработаешь, как минимум. Полезай, полезай...

Все на него посмотрели с осуждением. Коротышка сделал вид, что нас нет, он смотрел вдаль, на дорогу, на валун, он был раздражен. Коротышка старше меня, ему пятьдесят один год, хотя по нему не скажешь: человек без возраста. Уникальная весовая категория. Он с детства легко получал призы, почти не учился, все время разъезжал по всему Союзу, занимался греко-римской, дзюдо и вольной одновременно, выступал в самом легком весе, соперников у него было раз-два и обчелся, потому медали получал всегда: «Всем проиграл, но без приза не остался. Что-нибудь обязательно дадут, костюмчик, вымпелы – дрянь, ну, и девочки любили, привез безделушки из Дрездена или тряпки из Чехословакии, она и твоя», – хвастался он.

Чем больше Коротышка кудахтал и насмешничал, тем сильнее мне хотелось влезть в этот ужасный мундир, похожий на водолазный костюм, натянуть маску и испробовать

«взрыв мозга». Прямо на глазах у Коротышки. Мне хотелось, чтоб он увидел, как я спокойно и методично прохожу все стадии саморазрушения, у него на глазах, без жалоб и стонов, с улыбочкой... Пусть взорвется мозг, пусть голову снесет к чертям собачьим. Пусть он увидит!

– Ну, ну, тогда пошли в мастерскую, – заторопился Кустарь.

– Зачем в мастерскую? Наденем тут.

– Нет, эксперимент требует пройти все стадии. Сможешь ты дойти от мастерской до поля?

– Не знаю.

– Сейчас узнаем.

– Да, да, сейчас узнаешь, – приговаривал под руку Коротышка.

– Сейчас посмотрим, годишься ты или нет.

Я знал причуды Кустаря, спорить не стал. Да и не все ли мне равно? Мы отправились в мастерскую. Я помогал нести скафандр – тяжелая была штука. Коротышка шел впереди всех и даже не оглядывался на нас. Он напрочь отказался нам помогать. Когда мы пришли, он сплюнул и пошел в *Holy Gorbby*.

– Ну, удачи, – сказал он легко напоследок.

На меня надевают мундир, затягивают шнуровку корсета, укрепляют крепкую пластину на груди, смачно щелкают железные кнопки, сверху надевают шлем, нахлобучивают его, стараются, дают...

– Эй, полегче вы!

– Терпи, казак...

Эрки и Кустарь, наряджая меня, чуть-чуть суетятся, как старухи, собирающие внука в школу; дергая и подтягивая ремни, они словно поправляют на ребенке ранец, концы шнуровки они заправляют, как шарф в пальто, проверяют ремешок, длину каждой штанины, рукава, баллон, карманчики и проч.

– Ну как?

– Нормально.

– Дышать можешь?

– Могу...

– Громче говори!

– Могу!!!

Смеются, по-хозяйски переговариваются.

– Обязательно усовершенствую модель, – говорит Кустарь, – но пока что вот так...

– Сложно, Кустарёк, но ничего, для начала и так пойдет...

– Посмотрим, посмотрим... Но сквайр нужен...

– Нужен, конечно. С такой амуницией в одиночку не совладать!

– Посмотрим, как он в деле. Ох, волнуюсь!

– Не волнуйся. Чему быть, того не миновать.

– Если все пройдет как надо, займусь новой моделью, более легкой и ноской: надел и пошел.

– В принципе, мембрана на маске не нужна, – сказал Эрк-

ки после паузы.

– Это еще почему? – ревностно возник Кустарь.

– А самому можно взрывать. Щелк, получил краской в хари, и сам на кнопку нажал, черепок и на куски. Ты контролируешь процесс. Клиент полагает, что попал, а ты располагаешь. Удобней выйти из игры.

– Нет, бригадир, знаешь, тут нужна синхронность. Кайф ты получаешь когда? Когда понимаешь: ты выстрелил, и оно рвануло – от твоего выстрела.

– Да, ты прав...

– Одно запоздание – и этого кайфа, этого чувства, что ты на куски взорвал монстра, не будет. Одного подозрения, что тут что-то подстроили, будет достаточно... Нельзя дурачить клиента... Легко обломать, начнут трепать языком... и загублена реприза!

– Да, верно...

– Нет кайфа, нет и трюка.

– Точно.

– Итого, – посмотрел Кустарь на часы, – тринадцать минут, сорок три секунды... Ого!

– Ничего, для второго раза неплохо...

– Теперь надо засечь время, за сколько мы доползем до места...

– Ну что, брат? Как мы себя чувствуем, у?

– О'кей, – сказал я и показал большой палец.

– Ты громче говори.

– О'кей!

– Ха-ха! Вот так.

– Ну, теперь вставай.

Меня поставили на ноги. Штука была тяжелой. Шея сразу затекла. На плечи давило, и все плечевые мышцы начали разом ныть. Привыкну? Разойдется? И душно. В общем, я сразу понял Коротышку. Было от чего взвыть. Он не остался с нами, ушел в бар, сучок. А жаль, он многое упустил.

– Ну, что? Идти можешь? Тогда вызывай Шпалу, бригадир, и айда на стрельбище.

Хорошо, что не пришлось идти по лестнице. Не знаю, осилил бы я длинную лестницу каземата. Там старые ступени. Остатки крепости древней. Огромные глыбы, ногу надо высоко задирать, длинная крепкая лестница из плитняка. Нет, тяжело бы было... А смог бы я спуститься в Лабиринт? Интересно, в Лабиринте можно такой номер устроить?..

Я им об этом сообщал, надрывая глотку.

– Можно, конечно, можно, – считал Кустарь.

Быстро запыхался и устал. Они просили меня молчать, но я испытывал острую потребность выговаривать все, что приходило в голову.

– А разошлось немного, разошлось... уже не так сильно давят ремни... и плечи уже не так ноют...

– Ну, ну... вот видишь, вот... молодец...

Не отошли мы и ста метров от мастерской, как я, к их крайнему удивлению, попросил передышку. Ну, вот, рас-

строился Кустарь, переживавший больше за свое изобретение, нежели за мое здоровье. Он боялся, что и я, вслед за Коротышкой, пойду на попятный. Не могу идти, говорил я. Мои ноги налились, будто я не шел, а бежал километр, с весом. Ныла спина, но от этого само приключение меня еще больше воодушевляло. Я ни за что не хотел прекращать испытания, о чем спрашивал озабоченно заглядывавший в мои глазницы бригадир. Кустарь нервно посматривал на секундомер, ворча под нос:

– Ну, ползем еле-еле... Коротышка-то был пожильней, легче шел...

– Да, бывший борец, – соглашался Эркки. – Что, лишний вес сказывается?..

Еле дыша, развел руками.

– Ну, ну. До конца-то выдержишь, а? Как думаешь?

– Выдержу.

– Ну, смотри.

Тронулись. Шаг, шаг – переставлял я неуверенные ноги. Меня здорово качало. Каждый порыв несильного ветра смещал центр тяжести, приходилось ногами *ловить землю*, так сказать. Ничего, выдержу, говорил я себе. Тяжело-то, ух! Тем интересней. Посмотрим, как это работает, подстегивал я себя. Несколько раз останавливались, чтобы я перевел дыхание. Я почти ничего не видел из-за того, что толстые стекла запотели. Я считал шаги и с каждым разом (пишу не без гордости) я одолевал расстояние длинней и длинней. Сердце

колоотилось. Наконец-то поле, по высокой траве идти было еще тяжелей. Шпала давно нас ждал на гранитном валуне. Я этого не видел, мне о том сообщили. Солнце палило сильней и сильней. Эркки включил камеру:

– Три часа дня. Сентябрь. 2017 год. Новый костюм. Испытание второе. Кустарь, как костюм назвал?

– Нептун.

– Как?

– Нептун!

– Костюм «Нептун», модель первая, бета-версия, испытание второе. Во время первого испытания участник прервал процесс, отказался от продолжения опыта, мотивируя дискомфортом... Короче, до флажков...

Я сказал, что не вижу флажков. Кустарь меня подвел. Сквозь толстые стекла ничего не видно, говорил я. А если ночью?.. Каково будет ночью?.. Я сообщил об этом Кустарю... Он говорил: да, да, понял, принял ко вниманию...

Я много говорил. Это от волнения, думал я. Как перед погружением: когда меня облачали в водолазный костюм, я всегда много болтал, от нервов. Теперь погружения не было.

Наверное, меня подвели к тому месту, где вышел из игры Коротышка. Я почувствовал, что остался один. Они отступили от меня. Наверное, то же чувствует человек, приговоренный к смертной казни. Тебе надевают на голову мешок. Тебя подводят к определенному месту. А потом от тебя отходит конвой. Дальше будет действовать палач. Я по-

чувствовал щелчок в области грудины. Шарик. Пуф, ерунда, и мне полегчало. Я слышал слабые голоса. Эрки снимал и комментировал, наверное. А вот и команды:

– Шагай вперед! Три шага! Три!

– Только осторожно! Выше ноги!

Высоко поднимая ноги, будто шагая в глубоком сугробе, я сделал три несмелых шага и снова почувствовал щелчок.

– Отлично! Ставим флажок... Давай еще! Еще два шага!

Я прошел еще два шага... И все-таки, что случится, когда он попадет мне в мембрану? Снесет мне башку или нет? Щелк! Плечо – немного чувствительно. Нет, Коротышка, ты врал, что в тебя угодила пуля. Это точно пчела была, точно пчела... Щелк!

– Давай еще пару шагов!

Так, вслепую, я шагал навстречу моему убийце, а он палил по мне из ружья. И вдруг я получил удар прямо над головой, и секунду спустя раздался оглушительный хлопок, меня встряхнуло. Упал на колени. Возможно, я даже потерял сознание. Или оно сколько-нибудь помутилось. Я перестал слышать свои мысли и чувствовать себя. В ушах звенело, точно у меня над головой разорвался фейерверк. Хлопок, встряска, удар, звезды в глазах – все было одновременно. В спине что-то рвануло, по позвоночнику пробежала вибрация: это был механизм, выталкивающий из баллончика «кровь». Эта вибрация по спине пробежала чуть позже. Я стоял на коленях и задыхался. Мне хотелось наружу. Я слы-

шал вопли. Слышал радостные крики. Дружеские руки на моей спине, на плечах. Меня подняли. Меня обняли. Я был чумной, хотелось, чтоб они как можно скорее меня рассупонили.

В третий раз мы смотрели видео, на котором я шагаю неверными ногами по высокой траве. Солнце-то блестит, сколько лучей... а у меня там мрак, я-то в полном мраке шагаю! Ах, какие деньки. Красота! Красивые кадры. Эрки снимал аж с семи шагов, но не особо помогло: он был весь в краске, и Кустарь тоже – оба были в краске и желатине, но довольные. Мы сидели в мастерской Кустаря, в третий раз я смотрел, как моя голова разлетается на куски, из нее летит отвратительная жирная масса бело-красноватого цвета, куски, похожие на червей, сгустки, волокна, пряди вылетают и повисают на моих руках и плечах, на травах, я падаю на колени, и с небольшим запозданием из-за моей спины вырывается фонтан красной краски, и я слышу жуткий рев...

– А что это за вой? – спросил Шпала.

– Сирена, – довольный собою, сказал Кустарь.

– Ну, ни хуясе ты наворотил. – Глаза Шпалы светились от удовольствия.

Лутя танцевал от восторга:

– Да это ваще жесьть, мужики! Это же бомба! Кустарь, ты – гений! Мы столько народу соберем! Я глазам не поверил. Ничего себе рвануло! Это круче Голливуда!

– Ну, все. Лутя, – прервал он брата, – мы тебя слышали.

Жесть. Круче Голливуда. Все это в твоём слогане и должно быть. Понял? Давай! Дуй отсюда! Заводи рекламу, начинай обзвон клиентов. Первым с десятипроцентной скидкой. Все бабки парням за первую ночь – она ваша, ребята.

Кустарь аж крикнул. Эрки хлопнул себя по коленям.

– Ну а как ещё нам с тобой расплачиваться? – сказал Шпала, глядя на Кустаря. – Как такой труд оплатить? Откуда бабки брать? Молодец, Кустарь! Гений! – И снова Луте, вполоборота: – Ты ещё здесь?..

– Отлично! Ха-ха-ха! – Лутя похлопал нас всех по головам и плечам, махнул шаловливо в сторону брата кулаком и побежал.

– Уже датый, – язвительно пробурчал Шпала, даже не глядя ему вслед, – всю жизнь один сплошной запой. Так, короче, все ясно. Фишка у нас есть. Начинаем работать. Теперь технический вопрос, Кустарь.

– Да, да, слушаю...

– Теоретически, сколько заходов за ночь можно сделать? Человек не в счёт, я говорю о технике. Сколько голов взорвать мы можем за одну ночь?

– Ну, это как посмотреть... да сколько угодно!..

– Блин, я тебя спрашиваю, у тебя сегодня сколько голов наделано?

– Сегодня ещё раза три можем повторить, материал есть...

– Так, а какие паузы между заходами?..

– Полчаса минимум.

– Это хорошо, в это мы укладываемся...

– Но думаю, что он не выдержит. – Кустарь посмотрел на меня, все на меня посмотрели.

– Не выдержишь? – спросил Шпала. – Тебе сколько?

– Что сколько?

– Лет сколько?

– Сорок шесть.

– А почему он не выдержит? – Шпала уставился на Кустаря. – Сорок шесть, какие наши годы! – Перевел взгляд на Эррки. – Чего не выдержать-то? —

Они подняли брови, вздохнули, развели руками.

– Ну, кто знает... может, и выдержит... Коротышка вон как сбрендил...

– Коротышке когда мы юбилей играли?.. в прошлом году полтинник обмыли... Этот покрепче будет, а?

– Если выплусь...

– Так иди спи тогда. Получи бесплатный талон в *Holy Gorby*, поешь, и сон до конца дня. Никакого алкоголя. Завтра нажрешься. За сегодня днем ты уже заработал, но вечером чтоб как огурчик, понял? Клиенты приедут. Уже спрашивают, как там и что. Уже понеслась, понятно? Пошла шумиха в сетях. Лутя волны поднимает. Я накрутку сделал немного. Будь готов ходки делать!

– С оплатой я правильно понял?

– Тройная. Шестьдесят за выход.

– Ого, шестьдесят? – удивился Кустарь.

– А что, много? Надо скостить?

– Э! – возмутился я. – Самое то! В этом колпаке ходить не так просто...

– Сказал шестьдесят, будут тебе шестьдесят, а то и сто двадцать, если в азарт клиент войдет. Иди спать, я сказал, что сидишь? Не подведи, смотри у меня!

Я пошел к выходу...

– Все будет тип-топ, – обещал Кустарь.

– А ты, бригадир, проследи, чтоб он спал... а не шастал... никакого алкоголя... никто... все чтоб трезвые были... Чтоб вечером костюмчик сидел!

– Будет сделано...

В ту ночь я выходил пять раз. Они наострились менять шлем за двадцать минут. Мы побивали свои рекорды, работали легче и слаженней, невзирая на усталость и бешеный ритм. Кустарь ловко разбирал шлем, заряжал его, ставил насадку, прикручивал и замазывал темя и лобную часть «черепа», по «вискам» большими пальцами с клеем проводил, а потом, плюнув на указательный, давал щелчка: на удачу!

Я быстро привык к «взрыву мозга», встряске, вибрации и сирене. Я даже не падал больше на колени. Я просто жмурился. Кустарь и Эрки устали меня одевать. Два последних захода я не снимал мундир, оставался в шлеме, насадку меняли на мне. Было очень тяжело. Взмок адски. К пятому заходу желатин кончился, в мою голову зарядили какой-то странный раствор, похожий на медузу, – Кустарь распотро-

шил детские слаймы, они сильно чавкали. Краска тоже была вычерпана до последней капли крови, и он залил два литра вишневой браги, которой у него стояло пять огромных бочек. Он переживал, что механизм, не прочищенный после четырех выстрелов, может заклинить. Эрки беспокоился, что его камера сдохнет, подзарядка садилась, не успевала зарядиться, как снова надо было бежать в поле.

Меня вели, Кустарь полз в траве рядом со мной. Он ползал каждый раз, и весь, с головы до пят, был в жиге, краске и росе. Некоторые лампочки к пятому заходу перестали работать. Эрки фиксировал каждый случай, чтобы монтировать клиентам индивидуальные фильмы с их стрельбой. Стрелок с ружьем отправляется к камню. Он стоит один. Друзья должны молчать и наблюдать со стороны. Они тоже снимают. Было утро. Уже немного светало, но все-таки стояла темень. Может, они меня не видели. Потому что лампочки включались, когда меня подвели к первому флажку. Там прятался Кустарь, укладывался в траву. По его команде я нажимал на кнопку, лампочки зажигались. В мой последний выход я не увидел приятного ореола. Даже этого не было. Я остался в отвратительной темноте абсолютно слепой. Хотя лампы мне ничуть не помогали, они не освещали мне путь, но все же успокаивали, сообщали легкое приятное чувство заземленности. Теперь же я шел во мраке, как отстегнутый от корабля астронавт в открытом космосе. Кустарь, позвал я. Он меня прутиком по ноге шлепнул, направляя. Ага, зна-

чит, правее. Я пошел правее. Но увидит ли меня стрелок? Если лампы не сработают, Эркки не сможет все это снять. Да и вряд ли стрелок попадет в мембрану с пятидесяти шагов в такой тьме... по движущейся мишени... Я ужасно устал. Мое сердце колотилось двойными скачками (как в приступе тахикардии, что со мной теперь часто бывало во время переутомления). Я считал каждый свой шаг, смутно представляя, где нахожусь. Кустарь пару раз веточкой бил то по левой, то по правой ноге, ну, и подгонял. Еще, значит, ближе? Ну, еще... еще... Послышались щелчки. По ноге. По руке. Живот. Грудь, грудь... мимо, болван. Хотя его было трудно винить: в темноте стрелять... Вдруг включился свет – прямо в глаза. Ага, значит, кто-то подогнал фары. Это была машина. Кустарь зашипел, что он отползает.

– Иди вперед, иди на свет, иди...

Я шел на свет. Высоко поднимая ноги. Уже не считая шагов. Я рычал. Я горланил. Я взмахивал руками. Думаю, я выглядел очень нелепо, но Эркки сказал, что с дороги эта нелепость казалась жуткой. «Это надо видеть со стороны зрителей, – говорил он, – это ужасно. Женщины натурально испугались. Они шептались: *какой ужас, какой ужас...* Да, чувак, ты был ужасен! Как вырвавшееся из Ада наполовину механическое существо».

Парнишка, который решился ночью пострелять, был последним в списке желающих, и он, увидев меня, порядочно струхнул, отчего бил мимо цели, в меня совсем не попадал...

Наверное, он вообще не хотел этим заниматься. Он мазал, мазал, к нему подошли, кто-то взял из его рук ружье и тоже стал стрелять. Это оказался его отец. Так предположил Эрки, который стоял рядом с ними, он всегда немного болтал с клиентами, поскольку делал видео для них, как на свадьбе, они позировали перед ним с оружием, как это часто бывает, чтобы не казалось, будто вечер прошел напрасно за идиотским занятием. Рядом с парнишкой встала девушка. С ними были и матери, они стояли в сторонке и о чем-то говорили. Заурядный семейный пикник они превратили в ночную вылазку на полигон. Решили парню сделать такой оригинальный подарок. Он был геймер заядлый, нёрд, ботан, и отец сказал, что ему необходимо боевое крещение, раз уж в армию он не попал по состоянию здоровья, пора ему не в компьютерной игре палить, а по движущейся настоящей мишени, вот, пожалуйста, есть Зомбипаркен, поехали! И они приехали, стояли и палили по мне, долго не могли попасть.

Они попали, когда я подошел уже слишком близко. Так близко я не должен был подходить. Я стал практически перед камнем. Это было ошибкой. Но я же не знал. И сказать было некому. Черт возьми, я совсем ни черта не видел. И давно перестал считать шаги. Я не представлял, где находился. Я шел и шел, пока не уткнулся в сетку. Я даже не понял, что это была сетка. Я запнулся о нее. Я хотел сделать шаг вперед. Переступить через преграду. Потому что подумал, что это был пучок травы, кустик, коряга. Я и представить себе

не мог, что стою прямо перед ними. И тут он попал. Прямо в тот момент, когда я сделал шаг, чтобы переступить через воображаемую корягу, он попал в мембрану. Меня встряхнуло. Я споткнулся о сетку и полетел вниз. Они заорали от счастья, думая, что подбили меня. Да, я упал на карачки, повис на сетке, беспомощный, как большая рыба, им было от чего порадоваться, и они радовались, пока вся та гадость, которой Кустарь зарядил устройство, рвотой не рванула прямо на них.

Я много раз смотрел эти кадры. Эрки тоже пострадал. Куски слизи летели и в него тоже. Но он не дрогнул. Снял все очень хорошо. Застывшие вдруг фигуры. Перекошенные от омерзения лица. Вопли изумления. Гнев. Отвращение. Мат. И слышен голос отца: «Я только вчера машину помыл...»

Естественно, если механизм не чистить, он засоряется и заедает. Вслед за слизью, что вылетела из моей над-черепной насадки, с небольшим запозданием (три-четыре секунды) из баллона, что висел у меня на спине, вырвался фонтан кроваво-красной вишневой браги. Он хлестал по ним, как из брандспойта. И выла отвратительная сирена. Я дергался, изображая конвульсии, а сам хохотал.

II.

Психоделический клуб

Медленное свинцовое небо. Глянцевый асфальт. Шелест мокрой автострады за спиной. Ворона посмотрела на меня, разинула пасть, но передумала каркать. Старый клен трясет желто-красными ладонями, как помешанный. Тяжесть. Тяжесть неба на плечах. Фонарь возле клуба горит, дрожит. В аллее темно. Приду, сразу кофе жахну. Мое тело тянет меня вниз. Будто я все еще в костюме. Нептун-пердун. Двойной кофе. Покрепче. Залпом. Все эти дни проходят словно на дне глубокого колодца. Там я один, совсем один, смотрю вверх, надо мной вода, бетонные кольца, что-то плещется наверху, вспыхивает и гаснет. Я так устал, будто несколько лет ходил в пустыне... на скамьях забытых станций читал старые книги, поджидая моего человека, а он все не ехал, поезды приходили, а человека все не было... Я надеялся: вот сегодня он точно прибудет, — надежда тлела... в битком набитом коридоре с похожими на меня охотниками за головами я пил духоту, мы старались громко не говорить, они вздыхали: безжизненно как-то стало... и чего от нас хотят?.. отдаешь последнее... Все повторяли одно и то же, столетние сплетни... Если б все они разом заткнулись... Мне хочется остаться в клубе на ночь, где никто не дергает, здесь я

могу быть кем угодно и каждым из них – во множественности моего одинокого «я», не беспокоясь, не сойду ли с ума? Что мне, кроме духа, терять? К. Kravtsov сомневается. А может, нет духа? Кое-что я знаю наверняка. Дух есть! С этого и начинаются беды человеческие... Страхи, пороки, слабости, друзья и прочие глупости – застешки, затяжки, замочки, крючочки, которыми дух присобачен к материи (разорвать скорлупу воли не хватает); если человек разгадает тайну бытия (прорвет бергсоновскую вуаль), он к жизни потеряет интерес, жизнь возможна только в глупости (театр без маски не театр); надуманные правила, ритуалы и законы выстраивают регламент темницы, – в томлении и есть жизнь.

Крыльцо. Дверь подается не сразу, со второго рывка, отворяется с рыком. Вхожу, здороваюсь с консьержкой.

– Постойте, вы к кому? Ах, это вы! Ну, да, конечно, идите...

Она неохотно меня отпускает. Я иду по желтому линолеуму. Оранжевые стены, персиковые, желто-лимонные... Поднимаюсь на второй этаж. Шагаю под арку с разноцветными буквами:

PsyCheDeLic

L

u

b

Ноздри щекочут запахи – благовоний, табака, марихуаны. Задерживаюсь на пару секунд перед тяжелой железной дверью, облепленной мохнатым слоем бумажек, клейких разноцветных записок, приколотых канцелярскими кнопками объявлений. Табличка на двери – «K. Kravtsov» – таинственно поблескивает. Что-то во мне пробуждает этот приглушенный латунный перелив, что-то далекое, из детства... Так же застенчиво светились вещи, что остались после старой жилицы, в квартиру которой мы въехали в семьдесят четвертом году на улице Сальме. У нас на двери тоже была похожая табличка, я ее какое-то время хранил, имя старой жилицы теперь не вспомню, я потерял ту табличку до того, как научился читать. Бумажки на двери легонько шевелятся. При-

слушиваюсь – шуршат... Подставляю ладонь к скважине – тянет холодком... Вхожу.

Костя кивает мне и сразу погружается в работу. Он изучает в соцсетях аккаунты новых клиентов. Закинув ноги на пуф, крутится в ортопедическом кресле *Ergohuman*, задумчив, как детектив перед допросом. Рассматривая фотографии, он покусывает карандаш, взвешивает: что это за тип? чего от него ждать? способен этот человек стать членом нового общества или нет? Старых клиентов он тоже контролирует: отправляет им тесты, просит читать книги, которые отбирает для них, переписывается с ними, слушает записи собеседований, разглядывает их *психографические портреты*. Всего их в зале помещается тридцать штук, от этого наш клуб напоминает художественное ателье. Мазня, в некоторых скандинавских дурках я такие видел, но их рисовали пациенты, а не врачи. Кравцов утверждает, что он их не рисует: это не искусство, говорит Константин, тут все намного сложнее. Было бы странно, если б было иначе. У него все тщательно зашифровано, при всем желании разобраться невозможно, он так путано ведет свои дела, так странно... вот за странность я его и полюбил. И не только за странность; иногда он выдавал очень изящные сравнения: одного своего пациента, находившегося на грани срыва, он назвал «неуклюжей шахматной фигурой». Я сказал, что никогда не слышал такого выражения – «неуклюжая фигура».

– Ты, наверное, хотел сказать «слабая фигура», «неза-

крепленная», – поправил я Костю.

– Нет, нет, – настаивал он, – именно неуклюжая фигура. Уверен, что так не говорят шахматисты, но я иначе сказать не могу.

– И что это за фигура? Какая из них неуклюжая? Слон, конь, ладья...

– Нет, нет, любая может стать неуклюжей. Все зависит от положения на доске. Если у фигуры не так много вариантов, чтобы уйти или получить подкрепление, она становится, так сказать, *неуклюжей*.

Картинки на стенах меня угнетали, я долго к ним привыкал, но предложить их снять не решился. Он утверждает, что эта мазня ему сообщает о его клиентах куда больше, чем фотографии. Картинки довольно жуткие, понимать это начинаешь, когда остаешься один на один с ними ночью (иногда я здесь ночую). Я видел, как он, сидя перед посетителем, слушает и возит рукой по бумаге. Спонтанно возникшие геометрические формы он называет чертами и характеристиками психологического профиля посетителя. Бесформенные разводы, напоминающие водоросли в воде; трещины и россыпи осколков; фрактальные узоры, гибкие или резкие.

«Все зависит от пациента, – говорит Костя, – некоторые, жестко фиксированные на чем-нибудь, невольно бросают меня в такое странное состояние, когда рука сама начинает кружить на одном месте, вьется, как муха, и тогда получают-ся концентрические узоры, как на этой картине, «Пациент

№ 82», можете вообразить себе, какие мрачные вещи мне приходилось выслушивать от этого пациента № 82. Некоторые потерянные души бродят внутри самих себя, рассказывают бессвязные истории, вот как в данном случае. – Он подвел нас к картине «Пациент № 12», что-то вроде лабиринта. – Запертые в свои комплексы, люди перебирают свое прошлое с жадностью Плюшкина, не хотят избавиться от старого хлама, выбросить и двинуться дальше. Нет, они листают и листают одни и те же альбомы с фотокарточками, вспоминают давно ушедших из жизни людей, они все копаются и копаются в подвалах прошлого, не хотят выйти из своего лабиринта...»

(Уж не обо мне ли речь? Может быть, я и есть Пациент № 12?)

Вот Пациент № 132 – огромная сопля, растекшаяся на штриховке вдоль и поперек. Пациент № 71 – барочные завитки, виньетки, червячки, крючки, волоски и много просыпанной шелухи в уголках. Пациент № 49 состоит из тяжелых бетонных и металлических конструкций (наверняка какая-нибудь мегаломания или одержимость теорией заговора). Все свои рисунки Костя поместил в аккуратные рамочки, что навело меня на мысль: а вдруг он взаправду мнит себя художником и только нам говорит, будто все это – *пациенты*?! что, если он рисует не пациентов, а на самом деле *художничает*? может, некоторые из них – *воображаемые пациенты*?

Лучше бы все эти пациенты были воображаемыми, тогда

вся эта мазня была бы его собственным путешествием в безумие, в которое никто, кроме нас с Эрки, не был бы вовлечен. Но я сам видел, как приходили пациенты, он давал им бумагу, карандаши, объяснял, что надо не рисовать, а выпустить свое подсознание на свободу, водить рукой и ни о чем не думать – *позвольте руке лететь по листу как придется*... И они следовали его инструкциям... Так появлялись «психографические портреты».

Константин берет лупу, садится за свой большой стол и рассматривает рисунки, как криминалист; подводит лупу, отодвигает лист на расстояние вытянутой руки, сверяет со своим рисунком, откладывает их, отворачивается от стола, задумчиво смотрит в окно, похрустывая пальцами, говорит: «...если мы действительно хотим прогресса, развития общества и человека, то мы должны строить прежде всего юрты для медитации, хилинг-центры, sweat lodges, хоганы², спа! Необходимо устраивать митоты и ритуалы, сессии и церемонии, мы должны заниматься людьми индивидуально, в каждом районе должно быть не меньше десяти психологов, потому что людей много, с каждым надо поговорить, нужно общаться с людьми, не час-два в неделю, а по семь-восемь часов, нужно вместе с ними отправляться в трип, нужно читать всем вместе *Бардо Тхёдол*, спасти человека от суеты, так должен работать подлинный аналитик, ибо в современ-

² Парные хижины, которые индейцы Северной Америки использовали для целительных и оздоровительных ритуалов и церемоний.

ном обществе аналитик обязан выполнять роль шамана».

Наше психоделическое сообщество растет с каждым днем, нам на почту приходят заявки и письма. Кого попало мы не берем. Я не успеваю их фильтровать, раз в неделю мы вызываем несколько кандидатов на собеседование, утверждаем пять-шесть новых членов, намечаем собеседование с новыми. От Кости летят списки, инструкции и вопросы, – все решает он, я не утруждаю себя отвечать на каждое послание. Всех, кто переступает порог нашего клуба, председатель планомерно запутывает в своей паутине. Паук расслабится только тогда, когда будет уверен в том, что им от него не уйти. Что их ждет? Как – что? Новое будущее! Всех пациентов Константина Кравцова ждет тщательно подготовленная трансформация. «Любям нужна высокая цель, – говорит он, – и мы им дадим ее». Он верит, что наш клуб – это финальная и решающая фаза перед началом мощного штурма обветшавшего психического кокона, в котором спит дряхлеющее сознание нашей общественности. Наша личная трансформация уже идет полным ходом (собственно, о том и речь в моей повести), мы все участвуем в его эксперименте, еженедельно отчитываемся перед ним, получаем задания, придумываем для других членов испытания, внедряемся, докладываем, прорастаем там, где уж ничто не растет, обретаем мимирию, приспособливаемся, и так каждый день. *No rest for the wicked!*³ – Костя нам расслабиться не даст, он и по-

³ Нет мира нечестивым (англ.).

койнику придумал бы занятие, я в этом уверен.

Старый паук – так за глаза мы зовем Константина – оплел своей паутиной всю *Каменоломню*. Он выступает на телевидении и радио, дает объявления, распускает веерные рекламы. Он не производит впечатления очень энергичного человека. Я бы даже сказал, что он куда медленней меня; однако я ничего не успеваю, а он, сутулясь и шаркая, успевает сто дел на дню переделать. Всегда задумчивый, всегда чем-то озабоченный. Он похож на человека с обострением колита. Частенько валяется с книгой. Много курит кальян! Я столько не курю. Он даже отлынивает – отменяет встречи, уезжает куда-нибудь (это случается раз в три месяца, и мы сперва думали, что он отрывается на сбереженные деньги, улетает в какую-нибудь европейскую столицу, где четыре-пять дней живет «по-человечески», то есть ходит в театры, рестораны, отдыхает в шикарном гостиничном номере, попивая дорогое вино, лежит в ванной, может быть, заказывает проститутку, – так я думал раньше, но выяснилось, что все гораздо прозаичней: он посещает конференции и конгрессы психологов). И все-таки клиенты откуда-то берутся, сами приходят, и он для них находит время, и для нас, и для клуба... Он так много успевает сделать!

В свободные от приема часы он читает, и это совсем другой человек. Когда меня направила биржа на миссионерскую работу в библиотеку, я наблюдал за людьми в читальном зале (сначала я сам читал, но мне моя начальница сказала, что

меня сюда не читать направили, а работать; так как делать было нечего, я просто стоял, как истукан, и на читателей пялился); меня раздражали те, кто читает и нервно дрыгает ногой или шевелит пальцами, крутит ручку или ковыряет что-нибудь, мне думалось, что они это делают назло, чтобы меня раздражать. Я выдержал месяц и попросился на какую-нибудь другую работу, тоже миссионерскую, тогда меня направили на склад оптовой продажи, чтобы я смотрел, как привозят и раскладывают товары, возят их на тележках, поднимают на карах и специальных машинах и лифтах на стеллажи, — я ходил по складам и смотрел, на меня поглядывали недружелюбно, потому что я гоголем шлялся, и даже если хотел бы кому-нибудь помочь, то не имел права — консультант на бирже любила повторять, что в мою задачу входило не работать, а изучать работу. Она требовала от меня подробного отчета, а я ленился писать, к ее неудовольствию, я шлялся по складам, иной раз помогая рабочим, наплевав на правила, и ничего не записывал. Она попросила, чтобы я нарисовал тех, кто там работал (потому что в регистрационном бланке я написал, что я не только писатель, но и художник, и она хотела, чтобы я проявил свое умение: просила меня описать работу и зарисовать работников), но я отказался, и она отправила меня в столовую в торговом центре «Кристийне», где я наблюдал за тем, как работают кассирша и официантки, которые накладывали еду на тарелки, я должен был приносить подробные отчеты о работе уборщиц и персонала (желатель-

но, подчеркнула она, нарисовать их), а также вести счет посетителям. Я приносил ей мои отчеты (и два эскиза), но она была мною очень недовольна, и, когда я однажды пришел и сказал, что меня взяли в клуб, она страшно обрадовалась и сказала, что теперь отчитываться будет председатель клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.